

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
К34

Jonathan Kellerman

BREAKDOWN

© 2016 by Jonathan Kellerman. This translation is published by arrangement with Ballantine Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Оформление серии Андрея *Саукова*

Иллюстрации на переплете и форзаце *Филиппа Барбышева*

Келлерман, Джонатан.

К34 Крушение / Джонатан Келлерман ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Детективы профессора психологии).

ISBN 978-5-04-101009-6

«Познания Келлермана в области психологии и его темное воображение – мощная литературная смесь».

Los Angeles Times

Джонатан Келлерман — один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем 40 романов, каждый из которых становился бестселлером *New York Times*. Практикующий психотерапевт и профессор клинической педиатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии. Лауреат многих литературных премий.

Несколько лет назад доктор Алекс Делавэр наблюдал маленького сына известной голливудской актрисы. А недавно мертвое тело бывшей звезды сериалов, опустившейся и всеми забытой, было найдено во дворе чужого роскошного особняка. Оказывается, последние годы она бомжевала. Алекс очень переживает за судьбу ее сына. Но мальчик бесследно исчез. Чтобы отыскать его, нужно сперва изучить историю матери. А история эта оказалась запутанным и страшным пазлом...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-101009-6

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Шум был повсюду. И чтобы его избежать, по мнению Тины, нужен был выстрел в голову.

Когда они с Гарри жили на Манхэттене, спозаранку побудкой для них служило скребущее по нервам грохотанье мусоровозов и магазинных фур. Просыпаться и изводиться под их несносную стукотню приходилось Тине; что до Гарри, то ему она шла лишь на пользу: он спал как убитый, а к семи утра ему уже надо было мчаться в метро.

Здесь, в Лос-Анджелесе, среди мнимой безмятежности верхнего Бель-Эйр, по утрам было тихо. Но затем это ощущение сошло: дом местами то вдруг поскрипывал, то постанывал, с хмурой очевидностью давая понять, что базальтовое плато Нью-Йорка они променяли на зыбучие, коварные пески сейсмоопасной зоны.

Гарри, *естественно*, этого фактически не замечал. На нервную же систему Тины эти толчки и подергивания действовали так, будто с каждым таким мелким рывком на ней облезает кожа.

Для него лос-анджелесские вечера были «расслабленными, как все левое побережье»; на ней они, однако, сказывались *сокрушительно*. Она изнывала по фыркающему урчанию ночных автобусов, невнятному гудению людских голосов, неразборчивых из-за этажной отдаленности; по

нахрапистой перекличке автомобильных клаксонов. По всему, что хоть как-то напоминало, что за пределами ее личного пространства существуют другие люди. После двух месяцев житья на мягком грязевом хребте, омыкающем Лос-Анджелес, Тине начинало казаться, что тягучее дремливое спокойствие вокруг норовит поглотить и удушить ее, словно трясина.

Это когда ее не изводили поскрипывания и постанывания.

Официально соседи, впрочем, существовали. Вокруг места, сданного им внаем фирмой Гарри («мечта середины века», а в действительности безликий одноэтажный дом) стояли такие же строения. Но хозяева обоих из них отсутствовали из-за своего кочевого образа жизни: редактор новостного агентства уехал на работу в Грецию, а веселая вдовушка укатила в круиз.

Насчет этих деталей Тина была в курсе: риелтор, сдавая жилье, не преминул закинуть, как же им повезло жить здесь одним в мире и покое.

Но покой, как известно, может считаться мирным лишь тогда, когда он без червоточины одиночества и непокоя на душе.

Вечера, когда Гарри работал допоздна, наполняли Тину глухим беспокойством.

Даже когда он оказывался дома к ужину, предстояло еще справляться с временем отхода ко сну, когда над кроватью гасятся бра и Гарри в считанные секунды начинает мирно посапывать. Оставляя Тину лежать на спине в тягостных раздумьях, удастся ли ей в кои веки хоть как-то отдохнуть.

Но дело не только в стогах и скрипах. Тут речь о живности.

Если Тина включала свою машинку белого шума недостаточно громко, то все те вкрадчивые шелесты и мелкие суетливые шорохи в кармашке заднего двора вызывали

КРУШЕНИЕ

у нее сухость во рту, мурашки на коже и учащенное сердцебиение.

Если же шум полоскался на излишней громкости, она заплывала в зону мигрени.

Что до Гарри, то он, распластавшись на матрасе их дэ-эспэшного ложа, к стрессам жены оставался совершенно бесчувственен. Пожалуй, мог бы продряхнуть и Армагеддон.

Расслабон и Взвинтушка.

Так он ее добродушно называл, убеждая, что ночной жар у нее от чрезмерной взвинченности нервной системы. У Тины насчет этого имелись свои соображения, но что толку спорить? Она и так знала, что у нее тонкая конституция, а значит, дело здесь исключительно в силе напряжения.

Прежде уже не раз случалось, что, вскинувшись посреди ночи от того, что в саду теперь-то уж *точно* шарится дикий зверь или маньяк, она тормошила беднягу-мужа с требованием осуществить проверку. Квелый со сна, но с хохотком, тот неизменно подчинялся, однако ничего не находил. В одну из таких ночей, с особого устатку, он сказал, что ей, возможно, следует попробовать медитацию. Или медикаментацию. Реакция Тины на эту мудрость отучила его давать впредь подобные советы.

А потом была *та* ночь, когда глаза от тех звуков — не то щебета, не то кудахтанья — распахнулись даже у Гарри. Раздернув шторы спальни, он изумленно взирал, как возле мелкого бассейна резвится семейство енотов. Мамаша, папаша и трое детишек. Бойко плещутся, вылезают наружу, отряхиваются и спешат повторить процедуру.

Пятеро! Заражают воду микробами бешенства и бог знает чем еще...

Зачарованный этой сценой, Гарри стоял и смотрел, склабясь от уха до уха. Возмущенная Тина, напротив, требовала, чтобы он стучал по стеклу, пока нарушители не

пустятся наутек. На это ушло довольно продолжительное время: наглецы-еноты не выказывали боязни и с побегом не торопились, выказывая чванливое упрямство.

Наутро Тина позвонила в службу по контролю за животными, от которой выслушала целую лекцию насчет вторжения человека в ареал обитания животных; получалось, что у енотов как бы тоже существуют неотъемлемые права.

А потому спустя четверо суток, когда из сада вновь донеслись ночные звуки, она стиснула зубы и допустила, чтобы Гарри их безмятежно проспал. Но после того как он ушел на работу, вышла с бдительной проверкой и, помимо смятой растительности, обнаружила на дворе кучку похожих на виноградины катышков. Поиск в Интернете выявил, что это олений помет.

Что ж, кормежка олененка Бэмби звучала как нечто вполне себе безобидное... Ну а если сюда вдруг возьмет и пожалует за олеиной пума или, скажем, койот? О бже! Кто вообще знал, что Бель-Эйр скрывает в себе Звериное царство?

С этого дня к своей машине белого шума Тина присокупила еще и беруши. От этого у нее при пробуждении побаливала челюсть, зато ей теперь казалось, что оптимальный выход наконец-то найден.

Как оказалось, снова ошибочно.

* * *

Это был новый уровень шума, на порядок громче и не в пример жутче стрекотни енотов. Какая-то возбужденная тварь? Или хуже того: во гневе...

Безусловно, там снаружи находится *нечто*; ишь как стучит. А вот теперь протяжно стонет. Как будто удар лапы или когтей по чему-то твердому. Вспышка животной ярости, своей громкостью перекрывающая и машину, и беруши. Как Гарри может при этом не просыпаться?

КРУШЕНИЕ

Тине захотелось набраться смелости и выглянуть самой. Чтобы утром, за завтраком, сообщить ему: мол, не нужно меня больше опекать. Случился прорыв, и я адаптируюсь.

Может, даже начать после этого подыскивать себе работу.

Но не нынче, не в эдакую ночь. Какая околдовывающая своим ужасом симфония... И опять этот стук.

Может, оно ранено? Или, наоборот, пришло наносить раны? Неужто у койотов такие голоса? Кто бы знал... Пальцами ступни она ткнула Гарри. Тот с судорожным всхлипом вздохнул, перевернулся со спины на бок и натянул себе на голову одеяло.

Ну и черт с ним. В самом деле, взять и взглянуть самой...

Постукиванье — тук, тук. Горестный вой, теперь уже высоким голосом. Сердце металось в саднящей груди, но появилась странная целеустремленность. Тина соскочила с кровати, даже и не пытаясь тихушничать, поскольку втайне надеялась, что Гарри все-таки проснется и придет к ней на выручку.

Но тот лишь перекатился с боку на бок и захрапел еще громче.

Хотя не настолько, чтобы перекрыть те страшные звуки снаружи.

Царап-царап-царап. И как будто что-то там заскользило. А затем... хныканье? Их там что, двое? Хищник и его жертва?

Заранее мертвея от того, что увидит, Тина заставила себя отодвинуть штору и сощурилась.

Последнее оказалось излишним: вон оно, сторбленное в левом углу сада, во всей своей ужасающей явственности.

Голова книзу, а само с натужным придыханьем роет землю, раскидывая во все стороны земляные комья, траву и листья.

Заметить снаружи Тину оно никак не могло. Но вдруг голова поднялась, а их взгляды сомкнулись.

Зрачки зажглись мутноватыми огоньками безумия — холодящая душу смесь ужаса и ярости.

Оно истошно взвыло.

Дуэтом вместе с ним в вопле зашлась и Тина.

ГЛАВА 2

Обычно для получения сообщений психологи и психиатры делают ставку в основном на голосовую почту. Я же предпочитаю сервисную службу: если кто и должен предлагать в помощь страждущим живой человеческий голос, так это именно терапевт.

Тем пасмурным утром, в начале одиннадцатого, на меня вышел оператор связи — кто-то из новеньких, по фамилии Брэдли.

— Доктор Делавэр? У меня на линии Дойл Маслоу.

— Такого не знаю.

— Извините, *такая*. И судя по тону, вас знает *она*. Говорит, что речь идет о кризисе психического здоровья или типа того.

— Этот кризис у нее?

— Не сказала. Что ответить, доктор?

— Соединяйте.

— Как вам угодно.

В трубке возник молодой женский голос с сипотцой:

— Доктор Александер Делавэр? Это Кристин Дойл-Маслоу, специалист по вопросам психического здоровья. Участвую в проекте поведенческой и аффективной реинтеграции и услуг по округу Лос-Анджелес.

Что-то новое... А впрочем, округ прирастает программами, как гидра — головами.

КРУШЕНИЕ

— Честно сказать, я не в курсе... — начал я.

— Неудивительно. Мы на гранте Национального института психического здоровья. Можете зайти на наш сайт LACBAR-I-SP.net, ознакомиться... Собственно, я звоню насчет вашего пациента. Точнее, пациентки. Зельды Чейз.

— Моей пациенткой она не является.

— Ну как же... Судя по записям, доктор Делавер, пять лет назад она ею была.

— Пять лет назад я проводил оценку ее...

— Сына. Овидия Чейза. Официальное заключение так и не было вынесено.

— Консультацию я проводил по просьбе психиатра мисс Чейз, доктора Луиса Шермана...

— Ныне покойного.

— Я в курсе.

— Два с половиной года назад медицинское досье от Шермана перешло к университетской клинике Рейвенсвуда. В документе вы указаны как терапевт-консультант.

— Она проходила лечение в Рейвенсвуде?

— В то время еще нет. Хотя все это к делу не относится. Важно то, что Шерман свое дело завершил, а вот вы, доктор, нет.

Два с лишним года назад Лу умер от рака. Это придавало ее словам оттенок обличительности.

Я задал вопрос:

— Каких конкретно действий вы от меня ждете?

— Свидания с вашим пациентом. Пару дней назад она все же попала в Рейвенсвуд, по коду «пятьдесят один пятьдесят»¹. Но ее перевели к нам.

Принудительное удержание до трех суток.

— Причина задержания?

¹ 5150 — полицейский код, обозначающий сбежавшего опасного психбольного.

— Незаконное проникновение к кому-то на задний двор.

— Место?

— Бель-Эйр. Да какая, в сущности, разница?

— Всего за то, что она куда-то забрела, ей припаяли «пятьдесят один пятьдесят»?

— У нее признано острое психическое расстройство, с угрозой безопасности окружающим.

Зачем разяснять, если можно сменить ярлыки?

— Прискорбно все это слышать, но мой профиль — дети.

— Доктор Делавэр, — произнесла Кристин Дойл-Маслоу так, будто мое имя звучало диагнозом, — пациентка запросила *вас*. Или вам предпочтительней, чтобы я сказала ей о вашей полной незаинтересованности?

— Вы психотерапевт?

— Не поняла?

Я повторил вопрос.

— Какое это имеет отношение к делу? — Она фыркнула.

«Потому что навыков работы с людьми у тебя, черт возьми, ни на понюх».

Вслух я сказал:

— Какую помощь мисс Чейз получает через ваше агентство?

— Мы — не агентство. Мы — исследовательская программа, нацеленная на выяснение и оценку фактов. Сюда входит и полномочие присваивать код «пятьдесят один пятьдесят», потому что он относится к оценочной категории. Как и те, кому его присваивают.

— А выяснение фактов?

— Хорошо, мистер Делавэр. Я сообщу ей, что у вас нет желания...

— Где вы располагаетесь?

— В Уилшире, возле Вестерна. И чем раньше вы приедете, тем лучше. Она не из разряда беспечных туристов.

Полистайте как-нибудь бульварный журнал пятилетней давности — и, возможно, там вам встретится фото Зельды Чейз в сексуальном наряде, экземпляра элитной породы *Actressa gorgeosa*¹.

Ногастая, фигуристая, блондинистая, вся в стиле и глянце, готовно бликующая на камеру своей высокомерно-томной улыбкой, полной осознания своего генетического превосходства.

Проведите с Зельдой Чейз какое-то время — и все это отшелушится эмоциональной перхотью.

Приплюсуйте сюда ранимого ребенка — и откуда ни возьмись начнут усугубляться проблемы.

* * *

Консультациями по опекунству я занимаюсь вот уже сколько лет, и многие судьи мне доверяют, но то предложение работы поступило мне от психиатра Зельды.

С Лу Шерманом мы уже не один год состояли в профессиональном знакомстве — обычно родители в ходе процесса отсылались к нему, а их отпрыски — ко мне. Когда он позвонил мне тем июньским вечером, я ожидал чего-то примерно из той же оперы.

— Здесь все не так однозначно, Алекс, — поведал мне Шерман.

— Как это понимать?

— Дело тонкое. Может, пообедаем вместе?

Офис Лу находился в Энсино, но меня он пригласил в «Муссо и Франк» на Голливудском бульваре — замшелый панегирик голливудской славе, храбро держащийся

¹ Шикарная актриса (*искаж. лат.*).

на плаву среди рифов изменчивого, а местами и опасного миража, именовавшегося когда-то Городом Кино.

Прибыл я, по своему обыкновению, вовремя, застав Лу в угловой кабинке на северном конце большого, украшенного по периметру фресками обеденного зала. Перед ним стоял уже изрядно початый бокал мартини, наверняка лучшего во всем Лос-Анджелесе.

Не награжденный от природы высоким ростом, Лу делал себя крупнее на свой манер: сидел с бесстрастным лицом и прямой, как шомпол, со слегка приподнятым подбородком — то ли заслуга армейской выучки, то ли пережиток непокорности притеснениям на школьном дворе.

Казалось, что центром его круглого бронзоватого лица в лучиках морщин служит монументальный нос. Над лысой в крапинках макушкой венчиком пушились жидкие седые прядки.

Рожденный в Нью-Мексико полуеврей-полуиндеец, из всей своей родни Лу был первым, кто пошел в колледж. Отслужив в морской пехоте, он в тридцать пять лет поступил в Колумбию¹, по окончании которой остался в интернатуре Лэнгли Портера и окончил ее с дипломом психоневролога.

Там же, в заведении Сан-Франциско, интерном числился и я; мы вместе посещали одни и те же семинары, пересекались на разных мероприятиях, перебрасывались шутками. Спустя годы встретились снова, теперь уже в почтенном колледже медицины на другом конце города. Лу состоял там на должности; ну а я, по молодости, подвизался ассистентом. Здесь связь между нами окрепла и углубилась: мы оба прониклись друг к другу уважением за успехи в клинической работе.

Для Лу всегда были характерны невозмутимость и спокойная уверенность — черты, исконно необходимые

¹ Колумбийский университет.

КРУШЕНИЕ

психиатру. Однако, рассказывая мне о Зельде Чейз, он заметно нервничал. Я заказал себе виски «Чивас Ригал» и ждал, когда причина его нервозности разъяснится; может, он озвучит ее сам.

Процедура затянулась до прибытия моего виски и очередного martini, вслед за которыми на стол церемонно подал салат «Цезарь» престарелый официант.

Наконец, мощно хрустнув grenком и отерев рот салфеткой, Лу сказал:

— Пятилетний мальчик — тебе, психопатка-мать — мне. Кушайте на здоровье.

Для него бокал был третьим по счету; поглядев, он отодвинул его от себя и объявил:

— И, что еще хуже, она — актриса. Не в плане театральности; ее-то она в силу возраста психологически переросла; во всяком случае, я на это надеюсь. А в смысле буквальном: сейчас она играет в телесериале, и за ней стоит студия. Так что на кону весьма и весьма многое.

— Психотик с сохранением дееспособности, — заключил я. — Себя контролирует?

— Как я уже говорил, Алекс: все неоднозначно. Хотя да, пока держит себя в руках. И кто знает, может, в этом бизнесе некоторая эксцентрика даже на руку... Зельда Чейз. Не слышал про такую?

Я повел головой из стороны в сторону.

— Я догадывался, что ты большой любитель ситкомов¹. У нее сериал, именуется «Субурбия». Уже отснято два сезона и планируется третий, то есть полпути до выхода в прайм-тайм и отбива денег — и больших денег, надо сказать. Для чистоты эксперимента одну серию я все-таки высидел. Суть, если коротко, в следующем: комедия семейного уклада по-голливудски, со швыряниями салата,

¹ С и т к о м (ситуативная комедия) — разновидность комедийных телепрограмм с постоянными персонажами и местом действия.